Путилов Б.Н. Экскурсы с теорию и историю славянского эпоса. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999.

Со времени кончины Б.Н. Путилова прошло более трех лет, но продолжают выходить в свет его последние работы, подготовленные учениками и последователями этого видного фольклориста. Большая часть этих работ посвящена любимой теме Бориса Николаевича - теории и истории народного героического эпоса. Это и издание текстов (сборник "Былины", СПб., 1999), и монография о характерных особенностях эпического творчества ("Эпический сказитель", М., 1998), и подводящая итоги многолетних разысканий книга "Экскурсы в теорию и историю славянского эпоса". Заголовок последней освобождает автора от обязанности последовательного изложения теории эпоса, но позволяет сосредоточиться на наиболее актуальных и далеких от разрешения проблемах.

Прежде всего, это отношения эпоса к действительности. Казалось бы, давно ясно: искусство создает собственную, художественную действительность, и поиски в нем "жизненной правды" - не самое увлекательное занятие. Но до многих фольклористов эта истина не дошла, и у них до сих пор болит голова: какие реальные факты "отразились" в произведениях устной словесности? Дойти до факта, "искаженного" временем и поэтической фантазией, - вот в чем видится первоочередная задача исследования.

Решительными противниками этой теории выступили около полувека назад Б.Н. Путилов и В.Я. Пропп. Принадлежа к разным поколениям (Пропп был старше Путилова на двадцать с лишним лет), они сошлись в одном: эпос - не история, рассказанная самим народом, а явление словесного искусства.

Б.Н. Путилову было ясно: былина в глазах народа - правда. Но это правда не документальная, а художественная, и тщетно ожидать, чтобы былина "совпала" с реальностью. С точки зрения фактической былины как раз недостоверны, а поступки эпических героев невероятны. Эпос и не мог быть достоверным, потому что рассказывал о далеком прошлом. Искатели исторической истины убеждены: былины возникали по горячим следам подлинных событий. Но нет и не могло быть героического эпоса, современного событиям, о которых он повествует, - это художественная фикция, созданная на почтенной исторической дистанции. Поэтому все спекуляции на тему "эпос и действительность Киевской Руси" давно пора оставить.

И поскольку столь любимая многими энтузиастами проблема соответствия эпоса реальной действительности Путиловым снята, на первый план выдвигается проблема иная - своеобразие художественного мира народного эпоса. Мир этот строится с помощью ограниченного набора стереотипных ситуаций и формул. Это дает право Путилову назвать поэтику эпоса поэтикой тождества: сходные ситуации описываются сходным языком, характеристики постоянны и переходят из одной былины в другую.

Если принимать былину за более или менее точное воспроизведение конкретной действительности, то за первичную ее форму надо признать историческую песню, которая с течением времени обрастала вымыслом и превращалась в былину. Эту эволюционную теорию Б.Н. Путилов отвергает. В его истолковании эпос всегда был художественным феноменом, равным самому себе. И это значит, что до нас дошли те былины, которые были знакомы еще Древней Руси.

Известные нам пересказы былин XVII-XVIII вв. как будто не противоречат мнению Б.Н. Путилова, а других свидетельств у нас нет. И все-таки полагаться на неизменность былин и надеяться на то, что былина - окно в мир древнерусской культуры, едва ли можно. Вряд ли это так, тем более что за былинами открывается ретроспектива, уводящая в далекое архаическое прошлое. И Б.Н. Путилов эту ретроспективу обозначает: "Главные типические персонажи славянского классического эпоса - богатыри и юнаки, при наличии в каждом из них индивидуальных черт, своей эпической биографии и т.д., являют собою

образы синтетической природы: в основе своей это культурные герои, родовые и племенные герои, персонажи, пришедшие из мифологии и архаического мира, но трансформированные классическим эпосом в героев народных, национальных, региональных" (с. 18-19). Итак, эпос находится в постоянном развитии. Но вдруг он остановился и остался реликтом древнерусской культуры: "Севернорусская былина - наследница и преемница былины древнерусской. Она сохранила эстетику, историческое содержание, героев, исторические идеалы, эпический способ выражения" (с. 100). Так героический эпос с известных пор оказывается непроницаемым для всякого рода художественных перемен.

Мысль о том, будто эпос Древней Руси застыл в своем художественном совершенстве, противоречит общей концепции Б.Н. Путилова, предполагающего постоянное развитие эпоса. Ему близка мысль, высказанная классиками отечественной фольклористики, начиная с Ф.И. Буслаева, о слоевом составе русского эпоса: каждая эпоха откладывала в былинах свой слой. Но, конечно, Б.Н. Путилов видит соотношение слоев иначе, чем его славные предшественники. В былинах не просто откладывается слой за слоем. Архаические значения как бы просвечивают сквозь более поздние исторические пласты, создавая, по выражению Б.Н. Путилова, "второй сюжетный план". Так былины вступают в полосу все нового и нового осмысления.

Эпос, конечно, историчен, но историзм его кроется не в зеркальном отражении тех или иных событий. Его развитие - не только эволюция, но и скачки, сломы. Они приходятся на времена крутых исторических перемен. Так было в киевскую эпоху, трансформировавшую архаический эпос, в эпоху становления Московского государства в XV в. Видимо, таким был и XVII в. В былинах слишком много "московской старины", и это лишний раз доказывает способность эпоса к постоянному развитию. И это должно отрезвить романтиков, ищущих в былинах отражение "подлинной" Древней Руси.

Книга Б.Н. Путилова имеет в виду не только русский, но и южнославянский героический эпос. Ученому, конечно, чужды старинные романтические теории существовавшего некогда единого славянского эпоса (хотя архаические корни у двух славянских эпосов, несомненно, общие). Понятие "славянский эпос" восстановлено в правах, но на новом основании. Эпические песни выстраиваются в стройный ряд от архаики до средневековья: былины и юнацкие песни, исторические и збойницкие песни, баллады. Но вопрос о характере и смысле их сосуществования на позднейших стадиях остается открытым. Вне сомнения, это система, каждая часть которой отвечала определенным эстетическим (и не только) потребностям. Каким именно? На этот вопрос предстоит ответить науке будущего. Можно говорить лишь о разных стадиях в развитии народного эпоса, и, в согласии с Е.М. Мелетинским, Б.Н. Путилов выделяет четыре типа эпического творчества: мифологический, архаический, классический и поздний. Архаическое наследие обнаруживается в эпосе там и тут, но это свидетельствует не столько о реальной истории славянского эпоса, сколько об исторической типологии эпоса вообще.

Дорога к широким обобщениям открывается перед Б.Н. Путиловым еще и потому, что он порывает с привычной традицией рассматривать эпические сюжеты изолированно, когда они вырываются из эпического контекста и анализируются вне поэтической системы. Именно на таком подходе основываются построения адептов исторической школы, соотносящих изолированные эпические сюжеты с конкретными фактами. Подобное сопоставление полезно, но совершенно в ином отношении: оно показывает не то, как эпос сближается с действительностью, а как он уходит от нее.

Вообще связь эпоса с исторической реальностью Б.Н. Путилов не отрицает, он пишет: "Эмпирический материал, если он входит в эпос, подвергается переплавке, приобретает качества, свойственные эпической традиции, превращается в типовой, обретает свою семантику и свои функции, утрачивая прежние бытовые, пространственные

и временныґе связи" (с. 26). На конкретные исторические события откликается не героический эпос, а историческая песня.

Отношения между эпосами славянских народов интересовали русскую фольклористику чаще всего в одном отношении - кто и что у кого заимствовал. Б.Н. Путилов отвергает вообще вопрос о заимствованиях, а ищет, вслед за В.М. Жирмунским, типологические соответствия. Когда-то эта проблема занимала компаративистов, но после их разгрома в ходе печально знаменитой сталинской кампании борьбы с низкопоклонством перед Западом компаративисты исчезли и так и не возродились. И хотя книга Б.Н. Путилова имеет в виду сопоставительное изучение эпоса славянских народов, вопрос о заимствовании, как мы уже заметили, полностью снят. Дело не в том, кто у кого из славян заимствовал, хотя совпадений множество, и Б.Н. Путилов прав: "...ни в одном случае нельзя сколько-нибудь обоснованно говорить о возможности заимствования: ни один из рассматриваемых сюжетов нельзя без явных натяжек признать источником для любого другого" (с. 140). Но эпос открыт для более широких контактов, которые в расчет никак не принимаются. Б.Н. Путилов готов допустить возникновение сходных сюжетов в эпоху праславянской общности (одна из романтических химер) - только не культурные контакты.

Проблемы художественного языка эпоса часто остаются в тени, и говорится о них скороговоркой, "под занавес", как о чем-то несущественном. Иначе и быть не может, если существенно только одно - какой исторический факт отразился в былине. У Б.Н. Путилова художественный язык не сводится к перечню "художественных средств" и "приемов" - он рассматривается как код, необходимый для подачи эпической информации. И здесь открывается широкое поле для наблюдений и выводов; Б.Н. Путилов вступает на это поле одним из первых. Правда, тут следует говорить скорее об открывающихся перспективах, чем о достигнутых результатах: основные исследования еще впереди.

Они внесут ясность в представление о художественной природе эпоса. Можно ли, в частности, толковать былину как хитро зашифрованную аллегорию, как нередко поступают. Так, в былине о бое Добрыни со змеем непременно что-нибудь "подразумевается": то ли речь идет о каком-нибудь половецком набеге, то ли о крещении Руси. Удавалось, скажем, выяснить, что в былине об Алеше Поповиче подразумевается некий русский витязь, погибший в сражении при реке Калке, а под крылатым змеем - живший задолго до печального сражения половецкий хан Тугоркан.

Подход, предложенный Б.Н. Путиловым, позволяет отказаться от подобной методики. Змей есть змей, а не половецкий хан, и былина - не историческая аллегория, а художественное произведение. Эпический сюжет и в самом деле полон загадок и недосказанностей. Но художественную логику следует искать в нем самом, а не в тех "обобщениях", которые появились будто бы в былине со временем. Б.Н. Путилов напоминает: "Герои ведут себя согласно логике завязки, нередко скрытой от нас; обстоятельства, вызвавшие поступки персонажей, мотивирующие их, остаются неизвестными. Лишь моментами появляются следы, намеки, как бы случайно задержавшиеся..." (с. 31). И Б.Н. Путилов повторяет уже высказанные им ранее соображения об эпическом подтексте, где подвиг героя уже предопределен: "Подтекст ведет нас в своеобразный мир эпического сознания, по-своему трактующего отношения между людьми, внутренние пружины событий, на свой манер интерпретирующего истоки героизма и морального поведения персонажей" (с. 33).

Если понятия подтекста и второго сюжетного плана позволяют понять стабильность эпического текста при его вариативности, то сомнительно другое понятие, отстаиваемое Б.Н. Путиловым, - эпического "замысла". По Б.Н. Путилову, живет некая идея - "замысел", которая находит воплощение во многих вариантах. Этот подход должен опровергнуть традиционные представления об архетипе, к которому восходят все варианты. Никакого первоначального текста не было, а был "замысел" - "комплекс

художественных идей, проблем, коллизий, событийных фактов, персонажей" (с. 161). И ни один реальный текст не может воплотить всю полноту замысла.

С основными идеями третьей части "Экскурсов" читатель мог быть знаком по упомянутой монографии "Эпический сказитель". Заметим лишь, что ученый не склонен полагаться только на так называемую "русскую школу" фольклористики, впервые поставившую проблему сказителя, а учитывает и опыт мировой науки, прежде всего американского ученого А. Лорда. Центр изучения живой эпической традиции давно переместился из России в США (где издается даже специальный журнал по этой проблематике). Книга А. Лорда была переведена на русский язык и издана со вступительной статьей Б.Н. Путилова. Внимательный читатель отметит свежесть наблюдений Б.Н. Путилова над славянским эпосом, где эпическая традиция поддерживалась преданием и книгой. Это актуальная фольклористическая проблема, и уже после смерти Б.Н. Путилова вышла в свет капитальная монография Ю.А. Новикова, показавшего, какую роль сыграла книга в жизни русской эпической традиции.

Е.А. Костюхин